

СТРОЙОТРЯД, СМОЛЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ

В 70-е годы, помимо всего прочего, было временем ударных комсомольскихстроек. На всю страну гремел БАМ и темы вокруг БАМа. С экранов телевизора и по радио полноводным потоком лились песни о «героях Бума». На какое то время это всесоюзная стройка стала даже мерилем времени (это время гудит – БАМ, на просторах седых – БАМ...), в котором жившие в СССР люди строили единую общность – советский народ.

Строили- строили, но так и не построили. Что помешало? До сих пор на этот вопрос нет исторически обоснованного ответа, и, по-видимому, никогда и не будет. Слишком много в постсоветской истории разнополярных мнений относительно советского периода, слишком мало объективной заинтересованности докопаться до истинных причин.

В общем, для студентов тех лет поехать в стройотряд считалось модным и престижным. Там можно было не только весело провести время, но подзаработать. А подзаработать в тот момент, чего скрывать, мне крайне хотелось. Собственных денег у меня в то время было совсем немного. Стипендия составляла 45 рублей, повышенная (когда все экзамены сдал на «отлично» – 55 рублей. Правда, на «отлично» мне удалось сдать экзамены всего лишь один раз, и это случилось на 3 курсе.

Деньги мне были нужны потому, что мне страшно хотелось иметь фирменные джинсы, которые были ключевым элементом молодежного стиля 70-х годов, и в которых щеголяли многие сокурсники. Родители мои не относились к кругам дипломатов или внешнеторговых работников, за границу никогда не выезжали, и взять мне эти супер модные штаны просто было неоткуда. Вариант толкучки у магазинов «Березка» с целью приобретения бесполосных сертификатов никогда не рассматривался. Хотя один из таких магазинов располагался как раз на Сиреневом бульваре, в пяти минутах пешком от моего дома. Не могу сказать, что обладание синими штанами из плотной заскоружной ткани стало неким «пунктиком», фетишизация материального – никогда не был для меня приоритетом биологического существования, но все же хотелось быть на равных с остальными.

Шанс встать на ноги и осуществить свою «голубую мечту» представился после первого курса, когда появилась возможность поехать в

стройотряд и там, собственными руками, заработать свои кровные. Престижным направлением считался Казахстан, там хорошо платили и при удачном раскладе можно было рассчитывать на сумму вплоть до тысячи советских рублей, сумасшедшие по тем временам деньги. Но с Казахстаном почему-то не сложилось, не сложилось и с «блатным» отрядом в Прибалтику, и выпала мне доля поехать в Смоленскую область.

Нужно сказать, что Смоленская область отнюдь не чужая для меня. Отец мой, Громыкин Алексей Николаевич, был родом из деревни Дуброво Краснинского района Смоленской области, из многодетной крестьянской семьи. С началом войны глава семьи – Громыкин Николай Тарасович, был мобилизован в Красную Армию рядовым бойцом, в августе 1941, попал в плен и погиб в немецком концлагере в Восточной Пруссии (скорее всего умер от голода и болезней). Сталин не признавал Женевской конвенции о военнопленных, и попадавшие в плен в первые месяцы войны красноармейцы (а их было десятки, сотни тысяч) не считались пленными. Когда я в 2013 году побывал в этих местах – теперь это Польша – кое-что почитал, полистал некоторые архивные документы, с горечью убедился, что большинство плененных офицеров и солдат Красной Армии погибло именно так. СССР отказался подписывать Женевскую Конвенцию о военнопленных, и если польские или французские военнопленные содержались в бараках хоть с каким-то отношением, их как-никак поили, кормили, то российские пленные вынуждены были прозябать под открытым небом, голодными спать на земле. Как скот... Зимой 1941-42 гг. мало кто пережил.

После освобождения из-под оккупации отца, как старшего ребенка в семье, оставшейся без кормильца определили в Детский дом в Смоленске. Позднее отец мне неоднократно рассказывал, как ему страшно повезло, что он оказался именно в этом Детском доме. Детей там хорошо кормили, о них заботились, персонал Детдома искренне и честно относился к своим обязанностям. Отцу даже приписали год, чтобы он смог подольше оставаться на хорошем, ленд-лизинговом довольствии. Тем самым руководство Детского дома не только защищало ребенка от голодного существования, но и облегчало долю матери, оставшейся без кормильца и с пятью детьми.

Деревня, куда был направлен наш стройотряд, носило интересное и хорошо запоминающееся название – Упокой.

СПРАВКА

Упокой – деревня в Смоленском районе Смоленской области России. Входит в состав Пионерского сельского поселения. Население – 66 жителей (2007 год). Расположена в западной части области в 23 км к юго-западу от Смоленска, в 22 км южнее автодороги A141 Орёл – Витебск, на берегу реки

Упокой. В 29 км севернее деревни расположена железнодорожная станция Дачная-1 на линии Смоленск — Витебск.

Жили мы в большом деревянном доме в центре деревни, то ли в клубе, то ли в общежитии. Недавно срубленная изба, разделенная на две части. В одной части плотным рядком стояли практически вплоты друг к другу наши казенные, металлические кровати. За стенкой было место обитания «руководства», там проводили свои рабочие и после рабочие часы командир с комиссаром. Не помню имена этих ребят, сохранилось в памяти лишь то, что один из них был отпрыском какого-то большого начальника то ли по партийной, то ли по дипломатической линии. И не удивительно – оба они были с МО, а на МО попадали, как я быстро понял «достоинейшие дети достойнейших родителей» по вполне понятному и неизменному критерию – «чужие здесь не ходят». Было видно с первого взгляда, что эти молодцы родились, чтобы стать начальниками. И не привыкшие к физическому труду, и очевидно, потому, чтобы в принципе к нему не привыкать они достаточно быстро, уже после первого курса, маленькими начальниками и стали. Конечно, позже часто встречал людей такого типа, но эти в моем представлении явились первопроходцами коммерческого комсомола.

Дни нашего пребывания в этом любопытном месте были совершенно похожи один на другой. Неизменный день сурка. С утра мы вяло плелись в местную столовку, а после незамысловатого завтрака, так же вяло – на объект. Объектом был коровник, который следовало воздвигнуть на пригорке в небольшом отдалении. Плотницким делом, реально, конечно, никто из нас не владел, но махать лопатой, месить раствор, бегать с носилками – это да, на это мы были способны и потому активно бегали. Для более тонкой работы с топором наш отряд был разбавлен местными специалистами.

Часовой перерыв на обед.. И снова с лопатой и бегом. К концу дня так умудохуешься, что засыпаешь быстро. Спиртного не было. Или почти не было. Не помню, чтобы напивались. Даже день рождение мое в июле скромно отметили трехлитровой банком мутного яблочного сока.

Немного оживило и разнообразило ситуацию, когда на краю деревни расселили то ли учениц, то ли выпускниц местного сельскохозяйственного техникума, прибывших на практику. Пару раз для утоления исключительно природного любопытства, я, помню, наведывался с кем-то из сокурсников в эту девичью обитель, но никаких особых дивидендов из этих посещений не извлек. То ли с контингентом не сложилось, то ли силы молодецкие к вечеру настойчиво покидали организм. Но никаких приключений, ни романтических, никаких, вообще.

Зато с тех пор как прибыли девицы «отцов командиров» мы практически до самого отъезда и не видели. Вечерами они иногда выходили с припухшими лицами на поверку, но затем и эта формальность сошла на нет. После окончания трудового дня, потравив скабрзные анекдоты и отпустив пару шуточек про наше весело проводящее досуг начальство, шли спать...

Но одну такую поверку запомнил очень хорошо. На ней командир и комиссар (редкий случай) вышли к нам вместе. После нескольких дежурных и вялых фраз, что работать над строительством коровника надо еще лучше, еще пламеннее, Андрей Тимаков вдруг задал вопрос, который впоследствии приобрел сакраментальный характер и достаточно зримо отразился на нашем дальнейшем статусе. Вопрос был такого рода: почему мои товарищи вкалывают на общественно полезной стройке – возводят совхозный коровник, а я должен гнуть спину на какого-то местного шишку в качестве дармовой рабочей силы. Надо отметить, что буквально за пару дней до этого руководство отрядило Андрея и еще одного нашего стройотрядовского бойца как раз для «помощи» одному из местных начальников, ответственных за закрытие нарядов по выполненным работам. После столь смелого, неординарного поступка Андрея я тоже не удержался и вставил свои три копейки в виде нескольких фраз о социальной справедливости и ответственности перед товарищами. Конечно, до цитирования морального кодекса строителей коммунизмы мы не поднялись, но наша с Тимаковым выходка, несомненно, впечатлила стройотрядовское начальство. Командир с комиссаром как-то замешкались и предложили нам с Тимаковым остаться.

Мы остались, и что же? Умные начальники прочитали нам целую лекцию, как надо по-настоящему работать в стройотряде и что делать, чтобы действительно заработать. Суть их обращения сводилось к тому, что главное в этом деле не сама работа как некий производственный процесс, а умение закрывать наряды. И поскольку наряды подписывает некий в меру честный дядя, надо этого дядю всячески обхаживать, дружить с ним, помогать ему, в том числе и строить собственную дачу, в том числе и собственным трудом на его участке..

Вот так в 1975 году я, думаю и Андрей Тимаков также, столкнулись с практикой откатов, явлением в наши дни хорошо известным, изученным вдоль и поперек, но не ставших от этого менее массовым. Тогда это слово еще прочно не вошло в лексический оборот, а явление сие называлось скромнее – приписки. Но явление – назови его хоть так, хоть эдак, – прочно вошло в хозяйственную практику и там существовало своей самостоятельной жизнью, хотя мы, городские мальчишки из относительно благополучных

семей, не знали об этом, потому что в силу молодости и недостатка жизненного опыта ранее с эти не сталкивались.

Командир с комиссаром били нас с Андреем примитивным как черенок от лопаты, но весьма убедительным аргументом, спрашивая: «Вы же хотите заработать?». «Хотим», – честно признавались мы. «Ну, вот, – продолжали отцы-командиры – тогда надо прислушиваться к просьбам ответственного товарища, от которого в коечном счете зависит наше с вами общее благополучие»...

Мы молчали. Что тут сказать? Мы же, действительно, приехали сюда не за справедливость бороться, а денег подзаработать. Внутри – полная дисгармония. Никак не дает покоя воспитанное с октябрятских времен чувство социальной справедливости, умноженное на лекции по политэкономии капитализма и научного коммунизма. Оно гложет и требует немедленного удовлетворения. Но уже пришедшее к восемнадцати годам интуитивное осознание того, что риторика, даже правильная, звенящая на всех углах и перекрестках, так риторикой и останется, а есть еще реальная, практическая жизнь со своими практическими устоями и сферы эти не пересекаются – тормозила эмоциональные порывы.

Не знаю, как Тимаков, а я – то подсознательно чувствовал, что отцы-командиры по-своему в чем-то правы. В той конкретной ситуации, в которой мы все тогда оказались, главным было заработать. Ради этого мы, собственно, все сюда приехали, потные и грязные целыми днями шуровали лопатами и топорами, терпели невыносимую жару, ели непереносимую пищу и т. д. Все ради того, чтобы заработать.

Но в то же самое время меня еще долго не оставляла мысль о том, что Андрей по- существу в одиночку открыто выступил против того, что не вязалось в его сознании с представлениями, о комсомольском долге, о честных «правилах игры», не побоялся, не оробел, подвергся публичной и непубличной критике доморощенного начальства, но не дал заднего хода. Не оставляет она меня вплоть до сегодняшнего дня. Многие забылось подернулось туманом, но этот эпизод врезался в память и так там и остался.

Рано и хорошо технику общения с «заказчиком» освоил наш сокурсник Виктор Дзодзиев. Мне не случилось оказаться с ним в одном отряде, под его руководством. Но те, кому свезло, с восторгом отзывались о его организаторских способностях. «Бойцы» были на хорошем довольствии – сыты, пьяны (в меру, конечно), и финансовые результаты были отличные. Ребята рвались туда, где командиром был Виктор.

Наш отъезд из деревни Упокой – отдельное приключение. Все уже измучились, истосковались по дому, по подругам, близким и не очень. В конце срока начались травмы и серьезные. Андрей Лиховид за несколько

дней до отъезда неудачно поработал с топором и был травмирован так, что самостоятельно передвигаться практически не мог. Но вот, наконец, долгожданный день настал. За нами прибыл пыхтящий вонючий автобус – ПАЗик. «Отцы-командиры» до последнего момента сидели в «штабе» с местным начальством, выбивая из них, как мы справедливо догадывались, заработанные кровные. Мы ждали их а автобусе. Наконец они вышли с помятым видавшим видом портфелем из кожзаменителя. В нем, в портфеле этом, содержалось наше богатство. Двинулись. И как ни гнал водитель еще не доехав до Смоленска, многие из нас ,а я, думаю, один из первых, стали осознавать, что мы катастрофически опаздываем на проезд. Вот подъехали, все бегом из автобуса и к вокзалу. И тогда командир как заорет: А где портфель?! Портфеля не было. Нигде. Ни на сиденьях, ни под сиденьями. Нас осталось в автобусе несколько человек и мы лихорадочно стали искать наше богатство. Но портфеля не было... Наконец кто-то заглянул в пространство между местом водителя и мотором. Портфель был там, но сразу не поддался, за что-то уцепился. Пришлось тянуть. Когда вытянули, я бросил его командиру и он понесся с этой драгоценной ношей прямо к поезду. Мы, оставшиеся бросились следом.

Вот уже на вокзале, вот уже на платформе. Поезд движется и, причем движется все быстрее. Передо мной Алексей Игнатов тащит на себе Лиховида. Я бегу сзади с гитарой и рюкзаком. Ребята начинают отставать, тащить на себе такую немалую по всем габаритам ношу и соревноваться с поездом, смысла, и мы моментально это понимаем, нет никакого. В этом состязании нам не выиграть. Но надо бежать... Мы устали, нам все по барабану. Мы хотим домой...

Наши сокурсники, те, кто уже в поезде, машут нам руками, что-то кричат, но я ничего не слышу... Тогда я обгоняю ребят, и, делая рывок, повисаю на подножке вагона. Те, кто из моих коллег, кто толпится в тамбуре, ухватившись за воротник и рукав куртки, пытаются и втащить меня вовнутрь, проводница ногой толкает меня обратно, крича: «Куда? Давай в свой вагон... Куда? Назад...»

Лежа животом на подножке, одной рукой держусь за край подножки, а другой пытаюсь поймать пыльную туфлю проводницы, которая продолжает пинать меня ногой с энтузиазмом, переходящим в остервенение

- Стоп-кран!!! – ору я.

- Куда? Назад – гнет свое проводница.

- Б..дь, стоп-кран, жмите стоп-кран...!», в сердцах адресую столь незамысловатую, но вполне доходчивую фразу своим коллегам-стройотрядовцам.

Игнатов с Лиховидом на спине безнадежно отстали.

И тут раздается скрежет. Проводница падает. Энергия отталкивания со стороны ее ног резко ослабевает, и я вползаю в тамбур останавливающегося поезда...

Алексей Игнатов вместе с Андреем Лиховидом успевают доковылять до нашего вагона. Мы их быстро грузим. Все ! Мы – в поезде, мы – в порядке.

Что там нам говорила проводница и что мы ей отвечали – уже не вспомнить, но и неважно.

В Москву поезд из Смоленска прибыл рано, очень, рано, по-моему, только заработало метро. Все были сонные, усталые, помятые, но внутри почти каждого (со мной это точно было) зрело убеждение, что мы в конце большого дела, что наконец «миссия» близится к удачному завершению.

Поскольку мы буквально недавно закончили изучение исторического материализма наряду с политэкономией социализма (боже мой, кто сейчас вспомнит смысл этого предмета? где сейчас политэкономия и где сейчас социализм!) нас всех, безусловно, в этом словосочетании интересовало не прилагательное, а существительное, то есть материализм, материальная часть.

Командир с комиссаром удалились с портфелем в сторону туалета, единственного места на Белорусском вокзале, где можно – при всей относительности этого термина применительно к вокзалу – уединится, а мы остались ждать возле дверей туалета, подшучивая друг над другом и нервно покуривая. Через некоторое время, минут так через пятнадцать-двадцать, начальство появилось, и встав чуть поодаль от общей, охваченной нервным возбуждением массы, стало вызывать рядовых бойцов по одному, и вручать завернутые в листы белой бумаги, перехваченные резинкой, наши потом заработанные деньги.

Получив тоненькую белую пачку, каждый отходил в сторонку, разворачивал сложенные листы бумаги, изымал оттуда денежные знаки, трогал их, пересчитывал. И думал: вот они – «кровенно заработанные». Эти слова я не мог не поставить в кавычки. Причем относятся кавычки эти скорее ко второму слову, а не к первому. Кровь, кстати, была. Были травмы, падения, ушибы. Только случай с Андреем Лиховидом, когда топором по ноге, – чего стоит. А вот насчет «заработанных» – большой вопрос. Все из нас прекрасно понимали, что «отцы-командиры» всего пару раз за два месяца появившиеся на объекте и ни разу не державшие в руках лопату, получили в разы больше, чем члены стройотряда – рядовые его бойцы. Сколько сказать, и даже предположить мы тогда, конечно, не могли, но не сомневались, что в разы...

Когда я развернул свою пачку, в ней оказалось 160 рублей, Огромные для меня по тем временам деньги. Просто деньжищи... Стипендия составляла, если не ошибаюсь, 40 рублей. Для отличников, сдавших сессию исключительно на пятерки – 50 или даже 55 рублей. Но это счастье мне не грозило. А в тот момент стипендии я как раз не удостоился, было несколько троек по итогам сдачи весенней сессии. Но меня деньги эти поразили не столько самой своей суммой, сколько, наконец, реализовать глубоко упрятанное внутрь, но от этого не ставшее менее страстным, почти фрейдистское, желание, наконец-то купить настоящие джинсы и стать как все или, как любила говорить моя мама, «не хуже других».

Буквально на следующий день я поехал на толкучку и у фарцовщиков за 150 рублей приобрел настоящую джинсу. Штаны были, возможно, и не очень породистые в смысле фирмы, и были ли они реально фирменными – еще вопрос, но мне они сразу понравились. Интенсивно бирюзового цвета и слегка расклешенные внизу. И хотя джинсы, как я интуитивно подозревал, оказались не из «фирмы» и позавчерашней моды, мне они нравились, наверное, потому, что были единственными и носил я их довольно долго. Еще в начале нулевых они периодически попадались мне на глаза, когда я перелопачивал в деревню ворохи старой одежды, отправлявшейся туда доживать свой век в качестве сельскохозяйственной униформы. Жена периодически делая генеральные уборки отправляла в ссылку мои вещи, которые, по ее мнению, «стыдно носить в приличном месте». Почему «стыдно» и чем «приличное» место отличается в плане внешнего вида от «неприличного», она не объясняла.

Не существуют для меня понятия «факультет ненужных вещей». Они ведь – отметка времени, скелет нашего бытия, противостоящий попыткам фрагментации жизни на разделы и подразделы формирующей ее в нашем сознании как нечто целое. Дорога мне вот одна рубашка, которую купил в Варшаве в 1977 году, куда ездил на языковую стажировку. Она молодежная, яркая, в мелкую красно-белую клеточку (типа хорватского флага). Ей почти сорок лет. Она висит в шкафу деревенского дома. Иногда летом, один-два раза, не больше, особенно на свой день рождения в июле, – я надеваю ее, и сразу же охватывает меня меланхолия воспоминаний – куда я ездил, зачем, с кем расстался и кого встретил, и было ли все это кому-то нужно.

Вещей из прошлого, надо признаться, осталось мало, и каждым годом становится все меньше. Энтропия берет свое. С законами физики не договоришься, их не подкупить, не коррумтировать.

Корю себя, что со многим легко расстался, не сохранил, не ценил, не понимал. Но греет изнутри, когда смотрю на эту старую рубашку. Она помнит тебя двадцатилетним. А, может, и джинсы, купленные на кровно

заработанные в смоленском стройотряде 150 рублей, где-то лежат в темном углу, под ворохом вышедшей из моды одежды и ждут, что я их куда-нибудь найду, улыбнусь и вспомню смоленские приключения

Август 2016